

Сборщик Светлана Степановна,
главный архивист отдела комплектования
Государственного казенного учреждения
Кемеровской области «Государственный
архив Кемеровской области»

Письма другу (письма Виктора Баянова Михаилу Небогатову)

Наряду с фондами государственных и общественных учреждений и организаций документы личного происхождения занимают важное место в составе Архивного фонда Российской Федерации, нередко являются ценными историческими источниками, часто используются в научной и просветительской работе, поэтому значение фондов личного происхождения трудно переоценить. В Государственном архиве Кемеровской области находятся документы личного происхождения некоторых кузбасских поэтов, писателей, художников. Есть и фонд Виктора Михайловича Баянова, переданный на хранение вдовой поэта Антониной Ивановной и дочерью Валентиной Викторовной в 2013 г., но фонд, к сожалению, совсем небольшой. А вот в фонде личного происхождения другого кузбасского поэта – М. А. Небогатова сохранилась обширная переписка. Есть там и письма В. М. Баянова, адресованные своему другу – М. А. Небогатову. И мы обратимся не к поэзии Виктора Баянова, а к его письмам. Всего их 24, на 68 страницах (и еще 5 открыток) за период с 1966 по 1986 гг. И нужно помнить, что ведь существовали, и существуют, такие быстрые виды связи, как телефон, телеграф. Но, по всей вероятности, им обоим недостаточно было короткого телеграфного или на открытке сообщения, разговора по междугородному телефону. Им обоим нужен был подробный *рассказ* обо всем, что происходит с ними, что видят вокруг, о чем думают, что планируют сделать. И оба писали именно так. А ведь писать письма – это особый талант, который чрезвычайно ценился в прошлом, до эпохи телефона и Интернета. Переписка Пушкина, Чехова, Блока и многих других классиков издается наряду с их художественными произведениями. На протяжении столетий переписка была единственным способом общения на больших расстояниях. И сейчас люди продолжают, хотя и редко, отправлять друг другу письма и открытки. Считается, что письмо на бумаге демонстрирует больше внимания и уважения.

Первое письмо (из имеющихся в фонде) отправлено Виктором Баяновым из Крыма, где он с семьей отдыхал в Доме творчества. Казалось бы, уехал всего на месяц, лето, море – отдыхай. Приедешь домой – и всё расскажешь при встрече. Но была, видимо, потребность *поговорить*. И даже в письмах он предстает великолепным мастером художественного слова¹:

---

¹ В цитируемых письмах сохранена пунктуация.

«... Место здесь своеобразно красивое, тихое, для работы очень удобное. Конечно, нет той экзотики, что на Кавказе. Мои начинают скучать, да и я тоже начинаю *грустить черно-кудрявой грустью...*».(14.06.1967 г., Коктебель, Дом творчества).

Но бо́льшая часть писем была отправлена в период учебы В. М. Баянова на Высших литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького, где он учился с 1967 по 1969 гг. (окончив с отличием).

«... Уже два дня отзанимались. Вообще, Миша, придется мне, наверно, трудновато. Лекций много, трудные, хотя и очень интересные. *Сижусь как на концертах.* ... Короче говоря, курсы должны дать многое в смысле общего развития, расширения кругозора, приобретения мастерства. Только не валять дурака. Ведь такой возможности больше уже не представится. Верно? ...Миша, если будет время и охота, то черкни мне что-нибудь. Буду *радехонек.* ...» (3.09.1967 г.).

В конце письма Виктор Михайлович пишет о смерти И. Г. Эренбурга² и о том, что нужно будет на следующий день сходить в ЦДЛ³ попрощаться.

Письмо пришло в Кемерово 6.09.67г., и ответил Михаил Небогатов уже на следующий день, 7.09.67 г. (судя по записи, сделанной Небогатовым на конверте). Вообще, они оба отвечали на письма сразу же по получении.

Учеба на ВЛК⁴ предусматривала экскурсии по историческим, культурным местам. Описывал их в письмах В. Баянов так подробно, что создавалось чувство присутствия. А поскольку Михаил Небогатов практически не выезжал за пределы Кемеровской области (по состоянию здоровья), письма для него – это, своего рода, возможность из Кемерова взглянуть на другие места. Так, следующее письмо – о коллективной поездке в Бородино.

«... Осмотр начали с Шевардинского редута, где был дан первый бой французам... Затем побывали на Багратионовых флешах, батарее Раевского, где сейчас могила Багратиона. Рядом растет серебристый тополь, посаженный в день погребения. Это могучее, в четыре обхвата дерево...
... Знаешь, Миша, когда я читал литературу различную о Бородинском сражении, то плохо представлял себе и дислокацию войск, и расположение укреплений и т.д. А сейчас – другое дело. Посмотрел своими глазами и все стало просто и ясно...». Позже им будет написано стихотворение «Бородино».

Далее он описывает прощание с И. Эренбургом в ЦДЛ, куда слушателей ВЛК пригласили для несения почетного караула (Эренбурга тогда

---

² Эренбург Илья Григорьевич - русский прозаик, поэт, переводчик с французского, испанского, публицист, фотограф, общественный деятель, умер 31.08.1967 г.

³ Центральный дом литератора.

⁴ Высшие литературные курсы.

В.М.Баянов увидел первый и последний раз), кто выступал (Б.Полевой, Ю. Жуков, представитель испанской компартии, общества Франция – СССР и др.). В фойе увидел А. Т. Твардовского. «...Он на панихиде в зале не был, а сидел в фойе..., курил, вздыхал, вынимал платок. Руки у него большие, жилистые и вид совсем не лощеного интеллигента. Был там Евтушенко. Ну, этот был занят только собой, рисовался, производил впечатление страшно занятого, куда-то спешащего человека. Часа 2 он там *винтом* ходил (было народу много, и он, видно, думал, что все смотрят только на него). Короче говоря, видно, что это хват каких белый свет не видывал. Этот не пропадет, не затеряется в толпе... Были там Тихонов, Рождественский и мн. др. *Новостишек* интересных нет у меня. *Стишки*, наверно, придется надолго отложить. Тяжеловато. Ребятам с высшим образованием легче..., а мне все это – первый снег на голову. Много приходится конспектировать...». (12.09.1967 г.).

Часто одним словом (например, «*винтом*») Виктор Баянов передавал действия, движения человека, его состояние. Мог очень точными, меткими двумя-тремя словами охарактеризовать человека.

М. Небогатов и В. Баянов помогали друг другу в творчестве.

«...Вчера получил твое письмо с краткой консультацией. Очень рад, что тебе стихи понравились. Ты, обычно, – барометр верный и очень часто предсказываешь погоду в мою пользу. ... А строфу ты мне прислал великолепную. Она чиста, глубока и естественна. А форма легла на содержание, как и всегда у тебя, - тютелька в тютельку. Нигде ничего не выпирает, не топорщится. Я так еще не могу отделять... На днях был в ЦДЛ на вечере “Сибирских Огней”. Был Смердов, Решетников, Фоняков, Яновский. Выступили Е. Пермитин, А. Караваева, С. Залыгин. Ну, и мы читали свои стихи с Женей Буравлевым (он тут на пленуме)...».

Далее описывает встречу в ВЛК с Егоровым⁵ – «... чудесный русский парень, скромный, простой... имеет 14 орденов. Просто чудесный парень! А о себе, о водруженном знамени, когда из 220 человек осталось 18, он рассказывал просто, обыденно как-то, словно дело это – так себе, обычное. И чувствовалось, что это не игра, а полное соответствие с его внешним обликом и, видно, характером...».

Приходилось В. Баянову читать свои стихи в среде московских поэтов, отмечая при этом неискренность москвичей. (28.09.1967 г., на 4-х стр.).

Уже через два дня В. Баянов пишет другу: «... Получил твое письмо с рецензией и обзором. Обзор хороший. Всё доказательно, мягко, профессионально. Ты натерел здорово на сем нелегком деле...Замерзаю, Миша. Холодно по утрам в Москве, а я, дурак, не взял теплых вещей из дому.

---

⁵ М. Егоров и М. Кантария водрузили знамя Победы над рейхстагом.

Понадеялся на “Октябрь”⁶... Домой хочется – страсть. Ты вот говоришь, что я могу остаться где-то здесь. Нет! Никогда! Я слабое в этом отношении деревце – *не приживусь ни в какой иной земле, хотя она везде своя...* Был бы я моложе, с неустойчивым еще характером, неокрепшим, то, может быть, и можно было метаться, искать чего-то. А сейчас и оставили бы здесь, так не остался. Не могу без мест, где знаю каждую тропку, речку и т.д. И не люблю людей, у которых нет такой привязанности к родным каким-то местам. Я их просто не понимаю. Вот бы встретиться, Миша. Наговорились бы до хрипоты... Встречи с тобой и простые наши беседы я вспоминаю, как самое дорогое. Хочу, чтобы между нами никогда не пробежала никакая тучка, ни сквознячок – ничего. Это сохраняется только при честных и искренних отношениях, которые, я думаю, у нас были и есть. Надеюсь, что будут всегда...». Кроме того, высказывает свое мнение относительно рецензии на книгу стихов «Родник», о творчестве поэта вообще, о стихах удачных и не очень. Пишет о будущей поездке в Ясную Поляну, о некоторых бытовых вещах. (30.09.1967 г., на 3-х стр.).

Следующее письмо: «...Приезжаю сегодня из Ясной Поляны и вижу твое письмо. Очень обрадовался...».

И дальше – своего рода, письменная экскурсия в Ясную Поляну: о дороге туда, о том, куда заезжали по пути. Очень подробно о самом музее, сохранности предметов, о деревьях, растущих на территории усадьбы, боль за ее будущее: «...Ясная Поляна содержится хорошо, но и над ней нависла большая опасность: в 2-х километрах от нее построили огромный химкомбинат и весь дым, газ, чад оседает на заповедный лес, и деревья гибнут от этого. На кой черт этот комбинат тут нужен? Его можно было построить в другом месте, ведь он работает на приводном сырье и топливо тоже привозное... Великолепный лес – дуб, ясень, вяз, береза и другие породы. Множество аллей, прудов, тропинок. На могиле его – ни креста, ни обелиска – ничего. Простой земляной зеленый холмик. Так завещал... Может быть, я описываю элементарные, известные тебе вещи, но вот не могу удержаться. Какое-то *взбудораженное* состояние. Подробней обо всем потолкуем при встрече...».

А в конце письма: «...Посылаю тебе *кленовый листок* из Ясной Поляны...», и столько в этом желания, чтобы другу передалось это “взбудораженное” состояние. (6.10.1967г., на 4-х стр.).

И В. Баянов, и М. Небогатов очень высоко ставили творчество А.С.Пушкина, старались у него учиться стихосложению (и у других великих русских поэтов), поэтому оба не понимали, как можно о нем отзываться недостаточно уважительно.

---

⁶ Журнал.

«...Получил твое письмище вчера вечером, а отвечаю сегодня вечером, т.е. 21 окт. Хорошо, что хоть ты меня не забываешь и очень часто и подробно пишешь мне....На днях приходил к нам на ВЛК Арсений Тарковский. Читывал такого? Я помню, что видел стихи его в магазине, но не купил его – не понравился чем-то, а чем именно я понял только после этой встречи: холодностью, сухостью, умозрительностью. Видишь только, что он блестяще владеет формой, знает все тайны мастерства. Иногда царапнет за душу, а когда вдумаешься, то поймешь, что царапнул опять же мастерством. Мастерство у него достигло такого уровня, когда его, мастерство то есть, можно принять за чувство. Я совсем недавно понял, что и под чувство можно подделываться. Ведет себя высокомерно, как бог, познавший все тайны бытия... О Пушкине сказал, что он ничего не создал в поэзии нового, а только собрал и придал стройность всему, что было до него. Ну, я уже не удивился этому. Я уже видел всяких ниспровергателей похлеще Тарковского. Да и ты их видел и читал. Я вот слушал его и во мне злоба закипает: какой-то гном позволяет себе так просто и даже с оттенком превосходства говорить, да о ком – о Пушкине!..».

Именно учеба в Москве дала возможность В. Баянову встречаться с известными людьми.

«... Сегодня, т.е. 21 окт., я был на объединенном пленуме творческих работников...Видел Твардовского и Рыленкова, Федина и Тихонова, Симонова и Вознесенского, Расула, Кайсына, Селовьева-Седого, Хачатуряна, Хренникова – словом легче перечислить кого не было на этом пленуме... выступили О. Гончар, А. Тарасова, А. Баталов, А. Хачатурян и еще кто-то из композиторов. Потом заключительное слово Фурцевой... » 22.10.1967г., на 6-ти стр.).

Во время учебы Виктор Михайлович старался использовать любую возможность передать свои стихи в центральные газеты и журналы. А в письмах он не раз советовал и М. Небогатову поступать так же, отправив их, например, в «Советскую Россию»⁷.

«...Мне кажется, что отнесутся к твоим стихам очень хорошо... Давно надо бы это сделать. Наша нерешительность всегда против нас же и оборачивается...».

Большинство людей, и творческих в том числе, были симпатичны Виктору Баянову. Однако к некоторым он относился с откровенной неприязнью.

«... На семинар к нам приходил С. Марков. Ты же знаешь, что стариков молодые не очень жалуют, но этот старик всем понравился: и говорил толково, и стихи хорошие читал... Читал ли ты Вознесенского? По-моему, он уже помешался на этих писсуарах, не имеющих никакого отношения ни к Сибири, ни к поэзии вообще. Он меня раздражает. Я уже, как блевотину, не

---

⁷ Центральная газета, куда несколько раньше В. Баянов передал свои стихи, а позже они в ней были опубликованы.

могу его переносить. Поначалу я терпел его, думал, что он найдет что-то оригинальное, интересное. Теперь вижу, что запурхался в мусоре, повторяется и из всего хлама прет одно – “Я”. По-моему, это не поэзия, а безобразие какое-то. Он уже многих сбил и еще многих собьет с пути истинного... Ну, ладно. Он же гений, и не нам простым смертным обсуждать дела, им содеянные. А вообще пора бы гения этого изловить в темном переулке да ремешком по седалищу, чтоб писал вразумительно и к душе русскому человеку...». (30.10.1967г., на 4-х стр.).

Учиться человеку вдали от семьи, от дома, конечно, трудно. Поэтому почти в каждом письме В. Баянов пишет другу об одиночестве («*тоска момента*»), о том, что часто бывают «*угнетающе-тоскливые часы*».

Сложно учиться ему и материально, и он неоднократно обращается к Михаилу Небогатову с просьбой отнести *стишки* в редакцию «Кузбасс», возможно, что-то издадут.

«...Мне сейчас так нужно рублей 50–60. Дом тревожить уже не хочу... Не знаю – как стихи. Еще не отлежались и есть еще не нравятся мне самому места, но – нужда крайняя...». (20.09.1967 г.).

Но, несмотря на все трудности, учился Виктор Михайлович с удовольствием, с интересом. Некоторые предметы ему очень нравились, видел для себя пользу в изучении их, что-то далось нелегко.

«...Встречался я с Астафьевым. Он у нас живет. Говорить, правда, не говорили – некогда было. Вечером, наверно, схожу к нему – звал... Достоевского все не могу начать, хотя у нас по нему зачеты («Преступление и наказание»). Без него грусть-тоска, а начитаешься на ночь Достоевского – совсем одуреешь...». (28.10.1967г., на 2-х стр.).

«... Недавно с горем пополам прочел «Преступление и наказание» Достоевского. Сроду б не стал читать его, если б не зачеты по нему. Страшные книги, как он только их писал...». (22.11.1967г., на 4-х стр.).

«... Получил письмо из дому и от тебя – радостно... Вообще, Миша, страшно интересно все, любая наука, когда она в системе, во взаимосвязи с другими науками и с самой жизнью. Преподают очень толково и так смело, что у нас на периферии уже давно бы от многих избавились. ... Перепечатал 15 стихотворений для обсуждения на семинаре. До меня уже двоих разбили в пух и прах. Но стихи были действительно слабые. Дадут и мне, не без этого. Это пусть. Если будут дельные замечания, то почему не прислушаться к ним...». (15.10.1967г., на 4-х стр.).

«...Наконец-то обсудили мои стихи. С этого начинаю, потому что более важного чего-то не было за эти дни в моей житухе. Начали обсуждать еще на той неделе, но не уложились в 2 ч., и сегодня, т.е. 30-го, закончили это дело. Обсуждение вообще было объективно... Много было сказано в мою пользу, хотя и всё отрицательное, разумеется, тоже в мою пользу, т.е. на пользу мне... Межиров же говорил не очень много и главное, что он подметил – это то, что школа (под школой он понимает общую культуру, прочитанное,

внушенное, перенятое и т.д.) стоит намного ниже природной одаренности. Что только на этом природном я выезжаю в большинстве случаев. Он говорит, что редко бывает в жизни соответствие одаренности и школы. Обычно школы больше у людей... Ну, человек он большого опыта не только поэтического, но и как руководителя семинаров, и слушал я его с большим вниманием и доверием... В Москве мне совершенно не нравится. Город, сам знаешь, чудесный и т.д., но не для моего *полевого характера*... Очень томит одиночество. У друзей жены и к ним ходить как-то неудобно... Как бы мне прокуковать еще месяц? Настроение такое, что за переводы не хочется браться – неделю уже лежат на столе черкесские и абх. подстрочники...». (30.11.1967г., на 4-х стр.).

«...Совершенно согласен с твоими возмущениями по поводу обсуждения моих стихов. Я, честно признаться, не придаю этому обсуждению особого внимания и значения. Почему? Потому что ожидал большого, серьезного разговора, но не получил его. Самая сильная (я считаю) сторона стихов – задушевность, естественность интонаций, язык – были опущены совершенно. Об этом даже не сказал никто... на семинаре 3 человека, которые знают русский язык. Но и то знают, так сказать, общелитературный язык, грамматику. А нюансы, оттенки этимологические и другие, дух языка – никто не знает. Не пожелал говорить об этом и Межиров. Вначале он покорила меня эрудицией, но сейчас, подумав, я изменил свое отношение ко всему... Мне больше всего дают лекции по языку худ. произведений – *стилистика*. Очень ценные, необходимые нам лекции, тогда как семинары идут на уровне лит. групп. Ценными считаю также *теорию литературы*. В смысле вообще приобретения знаний считаю очень интересным предметом политэкономии и менее – философию... У нас сейчас открылись двухмесячные курсы писателей, пишущих на молодежные темы. В одном здании с нами. Из Сибири очень мало, больше из республик. Приехал В.Коротаев из Вологды, встретились как старые знакомые. Хожу к нему – очень люблю слушать вологодский выговор. Стихи у него хорошие – русские и без выкрутасов... Будь здоров и всего тебе хорошего. *А слухам, что в Кузбасс не вернусь – не верь. Не вернусь только в том случае, если не буду жив, а жить я люблю и хочу жить долго...*». (11.12.1967г., на 4-х стр.).

Народ любит поэтическое слово. Такие письма – это тоже поэтический дар. Они представляют интерес для читателей–любителей хорошего, интересного слога. Но еще они являются бесценным источником для исследователей жизни и творчества поэта, потому что они показывают не только бытовую сторону его жизни, но и его размышления как о своём творчестве, так и о творчестве других поэтов.